

УДК 330.1(059)
ББК 65.01
И89

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (главный редактор),
О.И. Ананьин (заместитель главного редактора),
И.А. Болдырев, Г.Д. Гловели, П.Н. Клюкин, Я.И. Кузьмин, Н.А. Макашева,
Д.В. Мельник (ответственный секретарь), *Н.А. Розинская, Р.М. Энтов*

Научные редакторы разделов:

«Методология экономической науки» — *В.С. Автономов, Н.А. Макашева;*
«История экономической науки» — *В.С. Автономов;*
«Экономическая реальность:
пространственные и исторические срезы» — *Г.Д. Гловели;*
«Экономическая наука и макроэкономическая политика» — *В.Е. Маневич;*
«Из экономической истории» — *Н.А. Розинская;*
«Рауль Пребиш и латиноамериканский структурализм» — *Д.В. Мельник*

И89 Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке [Текст] / редкол. : В. С. Автономов (гл. ред.), О. И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д. И. Мельник (отв. секр.) и др. ; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 503, [1] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1130-5 (в пер.).

Очередной (восьмой) выпуск альманаха «Истоки» продолжает серию, публикуемую Издательским домом Высшей школы экономики. Центральная тема выпуска — теоретическое отражение изменений и качественных сдвигов в экономической действительности и в сфере самого экономического анализа.

В открывающих альманах статьях представлены проблематика социального конструирования экономической реальности и новые аспекты в истории двух, ставших вехами в развитии экономического анализа, теоретических революций — маржиналистской (1870-е гг.) и формалистической (1950-е гг.). Статьи российских авторов, подготовленные для альманаха, посвящены вопросам пространственных и временных координат в репрезентации экономической реальности. В работах видных американских экономистов продемонстрированы различия между монетаристским и кейнсианским подходами к проблемам кредитно-денежной политики на примере экономики США второй половины XX в. Качественные сдвиги в экономической реальности в контексте экономико-исторических исследований рассматриваются в статье Г. Кларка, который задается вопросом: почему не все страны мира стали экономически развитыми? Завершают альманах работы, посвященные истории латиноамериканского структурализма — направления анализа экономического развития, основанного на концепции периферийного капитализма аргентинского экономиста Р. Пребиша.

Для специалистов в области экономической теории, истории экономической мысли, экономической истории и обществознания, студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 330.1(059)
ББК 65.01

ISBN 978-5-7598-1130-5

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ	7
--	---

Н.А. Макашева

Вспоминая Уоррена Дж. Сэмюелса (1933–2011).....	9
---	---

У.Дж. Сэмюелс

«Истина» и «дискурс» в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике	13
---	----

В.С. Автономов

Памяти Марка Блауга (1927–2011)	31
---------------------------------------	----

М. Блауг

Формалистическая революция 1950-х годов.....	37
--	----

ИСТОРИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ	57
---------------------------	----

В.С. Автономов

Самая значительная перемена в истории экономической науки: возвращаясь к осмыслению маржиналистской революции	59
--	----

У. Жаффе

Менгер, Дживонс и Вальрас: дегомогенизация	65
--	----

С.Дж. Пирт

Дживонс и Менгер: регомогенизация? Жаффе двадцать лет спустя	85
---	----

<i>Ф.В. Комим</i>	
Джевонс и Менгер: регомогенизация?	
Жаффе двадцать лет спустя:	
Комментарий к статье С.Дж. Пирт	110
<i>Ф. Фонтен</i>	
Менгер, Джевонс и Вальрас:	
негомогенизация, дегомогенизация,	
гомогенизация.	
Комментарий к статье С.Дж. Пирт.....	115
<i>Р.Ф. Эбер</i>	
Джевонс и Менгер: регомогенизация.	
Кто настоящий «третий лишний»?	
Комментарий к статье С.Дж. Пирт.....	124
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:	
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ.....	131
<i>Г.Д. Гловели</i>	
Перипетии экономических периодизаций	
истории	133
<i>Д.Е. Расков</i>	
Тюнен и русская экономическая мысль.....	176
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА	
И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	203
<i>Ю.В. Ерохина, В.Е. Маневич</i>	
О научных основах денежной политики	
(По поводу статей Джеймса Тобина	
и Фредерика Мишкина).....	205
<i>Дж. Тобин</i>	
Комбинация денежной и бюджетной политики	
в Соединенных Штатах.....	224

<i>Дж. Тобин</i>	
Денежная политика в условиях неопределенности	260
<i>Ф.С. Мишкин</i>	
Станет ли денежная политика более научной?	282
ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	329
<i>Р.Г. Хаиткулов</i>	
Уроки клиометрики от Грегори Кларка: в поисках источника экономического роста	331
<i>Г. Кларк</i>	
Почему не все страны мира стали экономически развитыми? О чем может рассказать история хлопкопрядильных фабрик	340
РАУЛЬ ПРЕБИШ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ.....	395
<i>Д.В. Мельник</i>	
Теория периферийного капитализма и вызовы развития.....	397
<i>Дж.Л. Лав</i>	
Предисловие к русскому переводу	407
<i>Дж.Л. Лав</i>	
Рауль Пребиш и возникновение доктрины неэквивалентного обмена.....	411
<i>Дж.Л. Лав</i>	
Подъем и упадок экономического структурализма в Латинской Америке: новые аспекты	453

М. Оливера

Латиноамериканский структурализм:

уроки для сегодняшнего дня491

Об авторах 499

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

За время, прошедшее с момента выхода в свет предыдущего выпуска «Истоков», экономическая методология и история экономической мысли потеряли двух своих выдающихся представителей: Уоррена Дж. Сэмюелса (1933—2011) и Марка Блауга (1927—2011). Редколлегия «Истоков» посчитала необходимым откликнуться на эти печальные события публикацией двух небольших работ этих ученых, сопроводив их краткими комментариями.

Н.А. Макашева

ВСПОМИНАЯ УОРРЕНА ДЖ. СЭМЮЕЛСА (1933—2011)

Уоррен Сэмюелс, безусловно, принадлежал к числу тех экономистов, которых в наш век специализации можно было бы назвать современными энциклопедистами. Обширные научные интересы и широкий взгляд на экономическую науку и историю экономической мысли, толерантное отношение к иной точке зрения — все это позволило Сэмюелсу стать исключительно востребованным редактором множества серийных и периодических изданий, включая такие известные, как серия «Recent Economic Thought», на протяжении практически двадцати лет выпускавшаяся издательством «Kluwer Academic Publishing», или «Studies in Institutional Economics» издательства «M.E. Sharp» (1990—1994). Число журналов, в которых Сэмюелс в разное время был либо редактором, либо членом редколлегии, близко к трем десяткам, длинен перечень научных обществ, в руководящие органы которых он входил. Заслуги Сэмюелса были отмечены несколькими академическими наградами (включая медаль имени Н.Д. Кондратьева), но главное — это, конечно, огромное количество его научных работ. Его послужной список, вместе с тем, не впечатляет разнообразием: образование получил в университетах штатов Флорида и Висконсин, десять лет преподавал в университете Майами и тридцать лет — в университете штата Мичиган. Насколько я знаю, не работал за пределами США.

В области истории экономической мысли Сэмюелс принадлежал, если так можно выразиться, к интеллектуальному направлению. Он рассматривал историю экономической мысли как часть общей интеллектуальной истории и считал, что ее изучение предполагает широкий контекст, выходящий за рамки собственно экономического анализа или экономической теории. Сэмюелс стремился выявить философские и социальные основания экономической теории, а экономическое знание рассматривал как процесс, имеющий социальный, культурный, политический и идеологический аспекты. В методологии он был сторонником принципа методологического плюрализма и позитивного подхода, когда единственной нормативной установкой был отказ от абсолюта, т.е. от самой возможности единственно правильной (научной) методологии. Это не означает, что Сэмюелс шел по пути Фейерабенда или склонялся, вслед за Макклоски, к риторическому подходу. Для него получение знания было процессом сложного взаимодействия исследования, интерпретации его результатов и экономики как социального конструкта, т.е. объекта воздействия со стороны людей, производящих и использующих соответствующее знание, при этом движимых различными мотивами и идеями. Отсюда его интерес к оценкам и убеждениям, дискурсу, смыслу и языковым конструкциям и, конечно, к институтам и политике.

Весьма показательно, что его первое большое произведение было посвящено классической теории экономической политики¹, а его последняя книга, над которой ученый работал более двух десятилетий, представляет собой «расследование», связанное с понятием невидимой руки и его смыслов². Сэмюелса можно считать современным продолжателем дела старых американских институционалистов, а присуждение ему в 1995 г. премии Веблена — Коммонса — свидетельством верности этой традиции.

Все, кто знал Сэмюелса лично, отмечают не только его высокий профессиональный уровень, но и доброжелательность, чувство юмора, преданность семье, готовность поддержать молодых исследователей. Я могу это подтвердить, основываясь на очень кратком личном общении и более продолжительном заочном. Хоча также отметить его

¹ *Samuels W.J.* The Classical Theory of Economic Policy. Cleveland, 1966.

² *Samuels W.J.* Erasing the Invisible Hand: Essays on an Elusive and Misused Concept in Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

способность улавливать скрытые смыслы, причем даже в среде ему совершенно незнакомой. Помню, как Елена Николаевна Кондратьева однажды сказала: «Он же такая умница, все понимает». Тогда речь шла о необъяснимых для иностранцев аспектах драмы отечественной экономической науки и личных трагедий ее участников, а также о деликатных обстоятельствах, связанных с публикацией некоторых материалов, их сохранностью и доступностью.

Знакомством и сотрудничеством с Уорреном Сэмюелсом я обязана работе над несколькими проектами: выпуску избранных работ Н.Д. Кондратьева английским издательством «Pickering & Chatto»³, подготовке конференции, посвященной С.Н. Булгакову, а также участию Сэмюелса в первом симпозиуме по эволюционной экономике, состоявшемся в сентябре 1994 г.⁴

Русская экономическая мысль, безусловно, не относилась к сфере непосредственных научных интересов Сэмюелса, и, казалось бы, что могло быть дальше от американского экономиста, чем поиски С.Н. Булгаковым религиозного смысла хозяйственной деятельности и экономической науки, однако моя просьба принять участие в соответствующем проекте нашла понимание и отклик. Хотя религиозное, и тем более православное, мироощущение было чуждо Сэмюелсу, его, несомненно, заинтересовали озабоченность Булгакова процессом очищения экономической науки от религиозного и социального содержания, который имел место в конце XIX — начале XX в., а также стремление русского мыслителя понять значение веры в нашем восприятии экономической реальности⁵.

В проекте, посвященном Кондратьеву, Сэмюелс играл исключительно важную роль. Он, конечно, не являлся специалистом в области больших циклов, и его участие в проекте до известной степени было определено случайными обстоятельствами. Но это был абсолютно

³ The Works of Nikolai D. Kondratiev / transl. by S. Wilson; ed. by N. Makasheva, W. Samuels, V. Barnett: 4 vols. L.: Pickering & Chatto, 1998.

⁴ Сэмюелс У.Дж. Некоторые замечания об экономической реформе в России с точки зрения эволюционной перспективы // Эволюционный подход и проблемы переходной экономики: доклады и выступления участников международного симпозиума, г. Пушкино, 12—15 сентября 1994 г. М.: ИЭ РАН, 1995. С. 242—247.

⁵ Сэмюелс У. Историк экономической мысли о трудах Сергея Булгакова // Экономика и культура: материалы международной научной конференции, Москва, 11—13 октября 1994 г. М.: ИСЭПН, 1995. С. 144—160.

счастливым случаем. Поскольку важно было представить Н. Кондратьева не только как автора концепции больших циклов (хотя бы и познакомив зарубежных исследователей с неизвестными им обстоятельствами, с ней связанными), но и как методолога и экономиста-практика, трудно было найти более подходящего лидера проекта. Благодаря своему авторитету Сэмюелс смог привлечь к работе видных специалистов и, что не менее важно, убедить издательство осуществить проект и обеспечить его высокий научный уровень.

К сожалению, Сэмюелсу не повезло с публикациями на русском языке. Их крайне мало⁶, несмотря на то что первое знакомство российского читателя с этим экономистом состоялось еще в далеком 1981 году. Тогда на русском языке был опубликован сборник статей «Современная экономическая мысль»⁷, включающий работу Сэмюелса «Идеология в экономическом анализе»⁸. Это издание стало настоящим событием, поскольку давало представление об эволюции западной экономической мысли в XX в., разнообразии существовавших школ, проблем и подходов, знакомило с активно работавшими на Западе экономистами, в конечном счете пробивало брешь в стене, отделявшей отечественную экономическую науку от мировой.

Статья Сэмюелса, помещенная в настоящем выпуске «Истоков», в определенном смысле продолжает и развивает линию аргументации, предложенную в «Идеологии в экономическом анализе» и некоторых других его работах. Выбор именно этой статьи обусловлен еще и тем обстоятельством, что проблема «чистоты» и объективности экономического знания, его сложной взаимосвязи с экономической реальностью никогда не была столь актуальной, как сегодня.

Чтение текстов У. Сэмюелса — занятие, требующее определенных усилий со стороны читателя, и в этом отношении предлагаемая работа вполне типична. Однако глубина мысли и оригинальность позиции автора послужат вознаграждением.

© Макашева Н.А., 2015

⁶ К вышеуказанным могу добавить: *Сэмюелс У.* Торстен Веблен как экономист-теоретик // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 99—177.

⁷ *Modern Economic Thought* / ed. by S. Weintraub. The University of Pennsylvania Press, 1977.

⁸ *Сэмюелс У.Дж.* Идеология в экономическом анализе // Современная экономическая мысль. М.: Прогресс, 1981. С. 661—682.

У.Дж. Сэмюелс

**«ИСТИНА» И «ДИСКУРС»
В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ОЧЕРК ОБ ОТНОШЕНИИ ЗНАНИЯ
К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКЕ**

Перевод сделан по: *Samuels W.J. "Truth" and "Discourse" in the Social Construction of Economic Reality: An Essay on the Relation of Knowledge to Socioeconomic Policy // Journal of Post Keynesian Economics. 1991. Vol. 13. No. 4. P. 511—524.*

Люди хотят достоверного, чтобы не сказать абсолютного, знания¹. Трудно удержаться от того, чтобы не заметить, что существуют два типа людей: те, кому совершенно необходимы определенность и законченность, и те, кто способен допустить неоднозначность и незавершенность. Большинство, скорее всего, относится к первому типу, хотя стремление к абсолюту вовсе не означает, что абсолют существует; то, что люди принимают как «факт», «реальностью» может и не быть. Стремление людей к обладанию досто-

¹ Понятие «достоверность» по существу психологическое, но при этом имеет межсубъектный характер и, следовательно, связано с внутренними психологическими потребностями и мотивами индивида, свойствами группы, к которой он принадлежит, со степенью приверженности индивида группе, консенсусом внутри нее. Наличие этих психологических и социологических обстоятельств свидетельствует в пользу аргумента, выдвигаемого ниже и состоящего в том, что ни одну из эпистемологических (или дискурсивных) позиций нельзя рассматривать как простое отражение действительности. Далее мы проанализируем природу этих позиций и коснемся их самодостаточного характера.

верным знанием объясняется по крайней мере тремя причинами. Во-первых, оно связано с их верой в то, что действия и политика, базирующиеся на знании, должны исходить скорее из верных, чем из ложных представлений. Во-вторых, источником этого стремления являются убеждения, которые принимаются за истинное знание и служат основой действий, направленных на сохранение или изменение институциональных структур и практик. В-третьих, стремление к обладанию достоверным знанием обусловлено потребностью в «успокоительном средстве», которое снимало бы тревожность, сопутствующую нашей жизни в условиях непредсказуемости, когда наша значимость как индивидов и как вида оказывается под вопросом.

Потребность в достоверном знании породила множество различных систем представлений: анимизм, антропоморфизм, магию, теологию, общую философию, метафизику, эпистемологию, науку, рационализм, эмпиризм, логический позитивизм, логический эмпиризм, идеологию, философию науки, социологию знания, герменевтику, литературную критику, социологию науки, структурализм, философскую лингвистику и т.д. Некоторые пытаются определить природу и признаки достоверного знания; другие же, а возможно и все, сомневаются или пытаются разобраться в том, какие существуют идеи относительно природы и признаков достоверного знания. Кто-то поддерживает, а кто-то подвергает сомнению проект под названием «знание», коль скоро его целью является Истина. Кто-то утверждает: что бы ни принималось за знание (Истина или истины), в действительности оно тесно связано с дискурсом, вымыслом и риторикой. Неизбежно возникает проблема самодостаточности: поставить вопрос об основах достоверного знания — значит поставить вопрос об основах знания, которое принято в качестве достоверного. Почти всегда в качестве возражения уместно спросить: «Откуда *Вы* это знаете?»

В последние полвека развитие эпистемологии и философии науки привело к тому, что прежняя вера многих в эпистемологию вообще и в позитивизм в частности оказалась подорванной. За этот период продвижения в анализе дискурса *как такового* дали дополнительный повод усомниться в существовании достоверного знания.

Эти продвижения достигли критического момента, после которого по этому вопросу, вероятно, начнет складываться консенсус. Если же наше ощущение приближающегося консенсуса несколько преждевременно, то лишь из-за широко распространенного желания людей, а возможно, их фундаментальной потребности обладать надежным, если не абсолютным знанием. Однако если консенсус действительно сложится, хотя бы среди интеллектуалов, это будет иметь огромное значение для исследований и практики во всех областях научного знания, особенно для наук о человеке и социальных наук, включая экономику: причем не просто для исследований и практики, но и для психодинамики нашего восприятия этих наук.

Цель этого эссе — дать представление о предлагаемом решении, или синтезе, который признает важность, во-первых, эпистемологии и ее границ и, во-вторых, анализа дискурса. Все это исключительно значимо в контексте социального конструирования реальности: то, что мы делаем с помощью эпистемологии и дискурса, особенно важно, поскольку это влияет на наши действия, индивидуальные или коллективные, и таким образом (ре)конструирует экономику, политику и общество. Мы ограничим дискуссию социальными науками, хотя многие темы актуальны и для естественных наук; более того, изначально они были подняты в рамках последних. При этом описанная нами ситуация не является специфической для экономики². Наш подход предполагает серьезные ограничения разумности человеческого стремления к досто-

² Данный очерк продолжает линию рассуждения, представленную в других работах автора (*Samuels W.J. A Critique of the Discursive Systems and Foundation Concepts of Distribution Analysis // Analyse & Kritik. 1982. Vol. 4. P. 4—12; Samuels W.J. The Idea of the Corporation as a Person: On the Normative Significance of Judicial Language // Corporations and Society: Power and Responsibility / ed. by W.J. Samuels, A.S. Miller. Westport, CT: Greenwood, 1987; Samuels W.J. An Essay on the Nature and Significance of the Normative Nature of Economics // Journal of Post Keynesian Economics. 1988. Vol. 10. P. 347—354; Samuels W.J. Determinate Solutions and Valuational Processes: Overcoming the Foreclosure of Process // Journal of Post Keynesian Economics. 1989. Vol. 11. P. 531—546; Samuels W.J. The Methodology of Economics and the Case for Policy Diffidence and Restraint // Review of Social Economy. 1989. Vol. 47. P. 113—133; Samuels W.J. Introduction // Economics as Discourse / ed. by W.J. Samuels. Boston: Kluwer, 1990; Samuels W.J. Review of the Philosophical Entries in “The New Palgrave” // Economics and Philosophy. 1990. Vol. 6. P. 301—309).*

верному знанию и поэтому основывается на том, что многое, если не все, что мы считаем знанием, особенно в социальных науках, в высшей степени условно, проблематично и относительно. Многое из того, что признается знанием, базируется на принятии отдельными людьми или обществом некой парадигмы, мировоззрения и (или) некой модели дискурса и имплицитных сущностных и эпистемологических установок, которые складываются в набор исходных убеждений.

К синтезу и решению

Вполне возможно, что консенсус так и не будет достигнут. Люди слишком сильно хотят получить надежное, заслуживающее доверия знание и поэтому склонны отвергать критические замечания в его адрес. И, возможно, не только представители доминирующей в каждой науке эпистемологии, но всякий человек вообще, скорее всего, будут выбирать из этих исходных убеждений наиболее привлекательные. Если возникнет консенсус (а это совершенно не обязательно), то он может иметь различные варианты. Синтез и решение, которые представлены ниже, позволят найти компромисс между критикой, нашими эпистемологическими потребностями и существенными ограничениями, которые ставит нам практика.

Эпистемология

Эпистемология — важная тема, обсуждение которой нельзя обойти или просто прекратить. Проблема требований, предъявляемых к знанию, важна; и надо ценить стремление людей к достоверному знанию, на основании которого можно было бы давать практические рекомендации. Мы с готовностью отдаем должное и позитивистским попыткам дать объективное, подтверждаемое и воспроизводимое определение реальности скорее через выделение наблюдаемых явлений и связанных с ними понятий, а также свойств и операций, чем через обозначение исходных понятий, абсолютов и смыслов.

Запрос на абсолютистскую, предписывающую эпистемологию, однако, не был удовлетворен. В частности, позитивизм на-

толкнулся на такие эпистемологические и дискурсивные ограничения, что это породило сомнения в том, что он может дать исследованию.

Эпистемология может и должна заниматься скорее разработкой критериев знания, чем рекомендаций. Она должна выявлять различные альтернативные наборы критериев (с соответствующими ограничениями), зависящих от требований к статусу знания. В этом случае индивиды и группы людей получают возможность выбора. Нереальность установления окончательного, абсолютного, предписывающего набора таких критериев не должна служить препятствием для выбора отдельными индивидами определенной эпистемологической позиции и следования ей независимо от характера ее ограничений. Она не должна мешать признавать наличие различных критериев и при этом ориентироваться на собственные предпочтения. Вопреки некоторым предпочтениям, притязаниям или убеждениям, методологический плюрализм всегда существовал, и эта практика должна быть явным образом обозначена. Методологический плюрализм — это единственный принцип, который согласуется и с нашими желаниями, и с существенными ограничениями эпистемологической практики.

Специалистам следует быть более внимательными к жестким ограничениям той эпистемологии, которую они предпочитают. Ранее мы в основном приняли определенные методологические позиции и применили их таким образом, что, формально признавая наличие ограничений, по существу их игнорировали. Это верно в отношении всех концепций, используемых в научной практике. Нам нужно осознанно и окончательно признать жесткие эпистемологические ограничения нашей работы. Осмысленность любого набора эпистемологических критериев зависит как от их сильных, так и от слабых сторон.

В особенности необходимо признать, что знание, тождественное Истине, получить сложно. Нечто, принимаемое нами за знание, обычно несет специфические черты той или иной парадигмы и эпистемологии. Доказательства его достоверности по большей части базируются не на фактической верификации или фальсификации, а на соответствии данной парадигме. То, что мы принимаем за знание, скорее всего, имеет также социологическую и дискур-

сивную основу, оно проходит через сознание людей, сформированное под воздействием культурных факторов. Метаосновы всех эпистемологических и других философских позиций в высшей степени проблематичны. В социальных науках «смысл» более важен, чем Истина; он создается людьми и часто содержит проекции их ожиданий, опасений и (или) желаний и совсем не обязательно отражает некую конкретную абсолютно трансцендентную реальность. Подобно тому, как данные «нагружаются» теорией, теория часто, если не всегда, является продуктом селективного опыта, перцепций и интересов. В экономической науке и теория, и эмпирика несут на себе отчетливую печать тех ограничений и допущений, которые считаются необходимыми для получения определенных, оптимальных, взвешенных результатов. Такие ограничения накладываются на описания, объяснения и анализ. Это, в свою очередь, ведет к тому, что либо анализ процессов, происходящих в «реальном мире», и действий экономических акторов заменяется упражнениями по решению умозрительных задач, либо и эмпирическая база, и методы анализа становятся объектом манипуляций, призванных дать нужный результат.

С точки зрения методологического плюрализма могут существовать различные критерии для того, чтобы признать знанием те или иные теории или утверждения. Эти критерии могут относиться к следующим областям: 1) космология; 2) метафизика; 3) наука или позитивизм, включая различные комбинации индукции и дедукции; 4) здравый смысл, включая прагматизм.

Должна появиться возможность для того, чтобы заняться идентификацией, осмыслением и формулировкой тех оснований, в соответствии с которыми мы принимаем нечто в качестве знания. Необходимо внести ясность в вопрос о том, на чем строятся наши убеждения. Такой подход не должен привести к самонадеянной раздаче предписаний, хотя формулирование и защита принятых критериев не должны мешать нашим попыткам убедить других в преимуществах этих критериев. Однако наш взгляд должен быть достаточно объективным и широким, чтобы признавать границы этих преимуществ, а также неизбежные слабости, сопровождающие сильные стороны того или иного подхода. Интеллектуальное высокомерие должно уступить место терпимости.

Должна открыться и возможность пойти дальше словесных заверений о том, что прогресс науки и получение знания немислимы без критики. В экономической науке слишком часто происходит так, что единственным видом критики, который принимается, является критика изнутри данной школы или в рамках данного эпистемологического подхода. Иными словами, имеет место рабская привязанность к принятым методологическим и содержательным доктринам. Интеллектуальная зрелость предполагает преодоление эгоцентризма и осознание того, что, коль скоро мы не можем быть всем для всех, ни одна из эпистемологий не может удовлетворить всем возможным представлениям о знании. Понятие Истины должно быть заменено большим знаком вопроса. Нам необходимо подтвердить роль критики, а также признать условность достоверного знания.

Для поколения, которое было воспитано на эпистемологии позитивизма или логического эмпиризма, такая позиция как минимум некомфортна. Необходимо признать, что логический эмпиризм являлся идеологией науки. Его задача состояла в легитимации статуса науки и ученых, а также в том, чтобы скрыть от большинства людей пределы науки, свести к трюизмам серьезные эпистемологические проблемы и замаскировать тот факт, что сама научная практика тех, кто верил в достоверное знание, не согласовывалась, да и не могла согласовываться, с предписаниями науки.

Дискурс

Значение теорий и утверждений не исчерпывается их эпистемологическим статусом. Утверждения и теории должны также рассматриваться как лингвистические и риторические феномены, а следовательно, как дискурс.

Гуманитарные или общественные науки, и в первую очередь экономика (в первую очередь, поскольку она наиболее очевидным образом претендует на статус «настоящей» науки), по существу представляя собой не только эпистемологические, но и социологические явления, связанные с дискурсом. Они представляют собой системы убеждений и способы дискурса. Смысл исторического, социального, политического и экономического явления создается, открывается и пересматривается человеком. Общественные

науки, включая определенные научные школы, сложились как способы дискурса, как повествование, содержащее набор метафор, строгий смысл которых не определен. Эти науки — способ мышления о мире, система верований, мировоззрений. Они являются некими представлениями реальности, каковы бы ни были их эпистемологические основы. Категории, в которых ведется такой дискурс, являются понятиями и смыслами, с помощью которых мы осознаем экономику, политику и общество. Понятия, используемые в таком дискурсе, являются знаками, смысл которых не обязательно происходит из внешнего мира, а конструируется человеком, причем одни знаки взаимодействуют с другими. Понятие имеет лишь тот смысл, который мы в него вкладываем и затем используем. Различные направления научной мысли отдают предпочтение различным понятиям, различным значениям, различным представлениям реальности. Экономическая наука создала системы дискурса, в терминах которых объясняется и обсуждается то, что считается экономикой. Доминирующее направление экономической мысли, неоклассическая теория, являет собой иерархическую дискурсивную позицию, проистекающую из представления западной цивилизации о самой себе, например, как о пространстве, где действуют автономные, самодостаточные индивиды, нацеленные на максимизацию собственной выгоды. Одновременно она подтверждает эти представления.

Эпистемология, понимаемая как исследование критериев языка, является поэтому лишь частью, хотя и важной частью, процесса, который можно назвать определением реальности. Мы также должны отдать должное другой его части и исследовать системы дискурса, с помощью которых люди изучают себя и общество. Критика эпистемологии в течение длительного времени состояла в критике отдельных эпистемологических позиций изнутри собственно эпистемологии; и коль скоро доминирующей модернистской эпистемологией являлся логический эмпиризм, критика эпистемологии по большей части приняла форму критики логического эмпиризма. Однако критика логического эмпиризма, возможно именно ввиду его большой сложности, также включала критику эпистемологии как таковой. Это подтверждает в общем виде, но со всей определенностью, что существует нечто большее для понимания смысла,

чем эпистемологические предписания, и что эпистемологию необходимо понимать как часть процесса убеждения, т.е. риторики.

Критика эпистемологии также подтверждает, что язык как таковой — это способ, посредством которого мы интерпретируем воспринимаемые объекты, являющиеся предметом нашего рассмотрения; что изучение как таковое происходит через определенные модели дискурса и что большая часть воспринимаемого нами как знание в действительности является предметом дискурса, — а возможно, и только им. Доктрины, парадигмы, модели и теории всех школ экономической мысли, например марксизма, посткейнсианства, институционализма, представляют собой социальные и интеллектуальные конструкты, формирование которых происходит с использованием элементов языка. Именно язык соединяет убеждения, парадигму или мировоззрение, тем самым создавая смыслы. Язык же сам по себе является социальной конструкцией, а не отражением реальности.

Таким образом, к условности, с которой мы формулируем утверждения и теории, выведенные из того, что стало общепринятым на основе эпистемологических соображений, необходимо добавить и условность, связанную с дискурсивной природой языка, используемого в утверждениях и теориях. «Рынок» — это метафора, и представления о корпорации как об «индивиде», а об экономике как о совокупности индивидов и корпораций могут меняться, хотя экономика по-прежнему может описываться в терминах «рынки» и «корпорации». Совершенно очевидно, что нам следует обратиться к понятиям, в которых мы осмысливаем реальность; это те же самые понятия, которыми оперируют утверждения и теории и к которым мы предъявляем тот или иной набор эпистемологических критериев.

Утверждение о важности анализа предполагаемого знания как дискурса не означает призыва к отказу от классической концепции истинного знания (или истины) или от строгого определения каузальности и других механизмов, т.е. от анализа того, что «*в действительности* происходит». Анализ дискурса не исчерпывает задач социальных исследований, хотя, наряду с эпистемологией более высокого уровня и сложности, он подчеркивает трудность, если не очевидную невозможность, реализации этого проекта.

Социальное конструирование реальности

Предшествующее обсуждение эпистемологии и анализа дискурса, несомненно, приложимо к исследованиям элементарных частиц, геологии Земли, структуры галактик и ко всему предметному полю естественных наук. В еще большей степени оно приложимо к предмету общественных наук. Экономика (и политика, и общество в целом), в отличие от Солнечной системы или атома, строится и перестраивается человеком³. Идеи, к которым мы применяем различные наборы эпистемологических критериев и которые формулируются в терминах и знаках, существующих в данной системе дискурса, живут в социально (ре)конструированной реальности.

У этой социальной (ре)конструкции есть два альтернативных значения: в первом случае осуществляется социальное конструирование смысла, который мы придаем экономике, притом что последняя существует независимо; во втором — происходит социальное конструирование и экономики как таковой, и придаваемого ей смысла. Коль скоро наше знание об экономике — это тот смысл, который мы ей придаем, даже если она существует независимо, проблемы анализа дискурса и эпистемологии, бесспорно, всегда имеют к ней непосредственное отношение. О каком бы из значений ни шла речь, наиболее полезным было бы следующее предположение: экономика не существовала бы, если бы не существовали люди; экономика представляет собой артефакт, результат человеческой социальной (ре)конструкции.

В той мере, в какой экономика является артефактом, для социальной (ре)конструкции важно не столько то, что «истинно» в эпистемологическом смысле, сколько то, во что люди верят и на основании чего они действуют, а именно то, что отчасти создается

³ Если не будет человечества, то не будет и экономики, а Солнечная система и атомы будут. В этом смысле экономика отличается от Солнечной системы. Физическое содержимое земных недр существует независимо от человека; их же значение как полезных ископаемых — исключительно связано с человеком. То же самое было бы, если бы человечество могло использовать Солнечную систему или манипулировать ею подобно тому, как оно использует минералы и металлы для изготовления средств производства и потребительских товаров, а атомы — для создания ядерного оружия.

и развивается посредством языка. Если люди принимают парадигму производительности и мыслят в ее рамках, они будут проводить и поддерживать иную политику и создавать иную экономику, действовать иначе, чем если бы они принимали парадигму эксплуатации и мыслили в ее рамках.

Именно потому, что знания-убеждения играют важную роль в социальной (ре)конструкции экономики, политики и общества, идеи, теории, парадигмы, утверждения и модели обязательно имеют политическую составляющую, а эпистемология и анализ дискурса — политическую природу, и поэтому являются объектом не только изучения, но и манипулирования. Контроль над языком и знаниями-убеждениями — это контроль над определением реальности и, таким образом, над политикой, а следовательно, и над социальной (ре)конструкцией «реальности».

Комбинация полной неопределенности (в том смысле, что нам не дано знать социальное будущее до тех пор, пока оно не наступит, а оно не наступит до тех пор, пока мы не создадим его) и социальной (ре)конструкции реальности означает, что из нескольких, и вероятно многих, возможных вариантов будущего лишь один реализуется в какое-то время и в каком-то месте. В той мере, в какой общественная наука «объясняет» или каким-то образом исследует положение вещей, она изучает то, что уже состоялось, придавая этому состоявшемуся особый статус и тем самым затушевывая и лишая значимости то, что (пока) не состоялось, но должно где-то и когда-то состояться. Это, конечно, является ограничением эмпирического подхода, которое устанавливается из эпистемологических соображений, но это также является и ограничением нашего дискурса, который имеет двойственную причинно-следственную связь с тем, что уже осуществилось.

Идея социальной (ре)конструкции реальности сама по себе — непременно и неизбежно политическая. Она открывает дорогу изменениям, указывая на производный характер актуализированной реальности, вынося на публичное обсуждение выбор, который был сделан в прошлом и делается в настоящем. При этом, возможно, в других отношениях ее значение не столь очевидно.

Идея социальной (ре)конструкции реальности (сама по себе концептуализация реальности) подчеркивает важность избира-

тельного восприятия, а также селективное усвоение нормативных установок в процессе, посредством которого реальность социально реконструируется. Контроль над дискурсом — это контроль над перцепциями, установками, а следовательно, над действиями и относительной актуализацией различных возможностей. Не трудно представить, каким образом в ситуации, когда избирательная перцепция соединяется с иерархическими социальными структурами, убеждения производятся и подвергаются манипулированию. Это не всегда и не вполне заслуживает осуждения. В этих процессах проецируются отдельные ожидания и стремления людей, а также идеи, порождаемые мифологической и символической системой общества. И эти проекции и идеи будут работать как на изменения, так и на преемственность, будут поддерживать те или иные структуры свободы и контроля, те или иные комбинации иерархии и равенства.

Дать определение реальности — значит внести вклад в ее реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует. Иными словами, и то и другое предполагает нечто, существующее независимо от человеческого разума, исходных установок и теорий или существовавшее до их появления. В общественных науках то, что мы считаем реальностью, скорее всего, по большей части представляет собой лишь предполагаемый базис, на котором происходит реконструкция реальности, а не онтологически данную реальность⁴. Все мы рождаемся и воспитываемся в обществе, которое нам приходится воспринимать как реальное, и каждый из нас, просто живя в обществе и будучи его составной частью, вносит свой вклад в его реконструкцию, тем самым способствуя созданию общества, которое позднее будет восприниматься людьми как реальное. Фрэнк Найт, как и ряд других авторов, утверждал, что связь между знаниями и политикой имеет для людей решающее значение. Он считал также, что человеческое общество не так уж отличается от обычных игр, таких

⁴ Во время подготовки этой статьи мне довелось услышать дискуссию о возможности легализации однополых браков. По утверждению одного из ее участников, подобные союзы — не то же самое, что настоящий, «реальный» брак.

как, например, футбол или покер: все они созданы людьми и не существуют априори как независимая от человека реальность.

Можно возразить, что, хотя люди и придают смысл реальности и с этой точки зрения создают ее, существующая на тот или иной момент реальность на самом деле не является человеческим творением. Это возражение, однако, не противоречит изложенному выше. Люди, конечно, задействованы — по крайней мере, в осмыслении социальной реальности, и в этом плане социальная реальность — творение человека. Но даже если в представлениях людей господствует детерминизм, их отношение к социальным процессам не будет пассивным. Что-то мы приветствуем, а что-то нет; какие-то системы социальной организации мы предпочитаем, а какие-то вызывают у нас отвращение и т.д. Общественные науки (как описание и объяснение происходящего и как обоснование политики), а также социальная и экономическая политика исходят из предпосылки о важности человеческой деятельности. Даже те идеологические направления, которые проповедуют *«laissez-faire»* и «невмешательство», предлагают программы действий для правительства, и эти программы, хоть и в иной форме, тоже содержат инструменты социальной (ре)конструкции реальности. Если бы экономическая роль правительства была заданной и являлась неотъемлемой частью реальности, не было бы никакой необходимости делать выбор между консерваторами, либералами, радикалами и т.д. — и не было бы никакой разницы между результатами сделанного выбора.

Несмотря на несовместимость анализа дискурса с господствующей методологией логического эмпиризма, а также несмотря на конфликт между верой в истину как объект знания о реальности и признанием ее социальным конструктом, высказанные в этом очерке идеи не являются ни радикальными, ни противоречащими соображениям ведущих представителей мейнстрима и других экономистов. Хорошо известна позиция Д. Макклоски, не только теоретика и специалиста в области эконометрики, но и историка экономической мысли и при этом — одного из лидеров направления, рассматривающего экономическую науку с позиций риторического подхода. Близкая точка зрения высказывалась и другими экономистами, пусть и не в таком развернутом виде и не так безоговорочно. Теоретик общего равновесия Рой Вайнтрауб, по всей

вероятности, стал первым, кто был готов признать то, что вытекает из дискурсивной и допускающей различные толкования природы экономики. За ним вскоре последовали Арьё Кламер и Уильям Брейт, а также Джек Амарилио и Дональд Лавуа. Роберт Солоу не пошел так далеко и был не столь решительным, однако и он соглашался с тем, что господствующая вера экономистов мейнстрима в «единственно верную модель» имеет социальную природу⁵. Склонность рассматривать экономическую науку как язык обнаруживали и те теоретики, работы которых в остальных отношениях никак не были связаны с анализом дискурса или риторики. Джек Хиршлейфер называет экономику «всеобщей грамматикой общественных наук»⁶. Джордж Стиглер пишет, что «дефиниции не дают никакого знания о реальном мире, но влияют на восприятие мира»⁷, — и, следовательно, они важны как для теории, так и для политики. Мартин Бронфенбреннер упоминает о той высокой оценке, которую он дал «теоретической механике системы цен... как интеллектуальной конструкции»⁸. Развитие мысли, часто неосознанно, движется в указанном нами направлении, делая соответствующие идеи частью обычного дискурса.

Выводы

Эпистемология оперирует понятием истины, а анализ дискурса — смыслами. Каждый из этих подходов сопряжен с серьезными проблемами и имеет ограничения, связанные отчасти с природой объекта, а отчасти с тем, каким образом каждый из этих подходов

⁵ *Solow R.M.* Economic History and Economics // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. P. 330; *Solow R.M.* Comments from Inside Economics // *The Consequences of Economic Rhetoric* / ed. by A. Klammer, D.N. McCloskey, R.M. Solow. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 30ff.

⁶ *Hirschleifer J.* The Expanding Domain of Economics // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. P. 53.

⁷ *Stigler G.J.* *Memoirs of an Unregulated Economist*. N.Y.: Basic Books, 1988. P. 94.

⁸ *Bronfenbrenner M.* Instead of a Philosophy of Life // *American Economist*. Fall 1988. Vol. 32. P. 4.

реализуется. Приверженцам анализа дискурса следовало бы признать ограничения своего подхода подобно тому, как они поступают в отношении логического эмпиризма. Более того, понимая, что к методологическому плюрализму призывают люди, чьи идеи на данный момент не являются доминирующими, нам нужно позаботиться о том, чтобы их энтузиазм в отношении методологического плюрализма сохранился даже в том случае, если они окажутся в большинстве. А кроме того, мы должны помнить, что анализ дискурса не является исключительно поддержкой некой политической философии или программы.

Большая часть категорий, принципов, критериев и дихотомий не существуют сами по себе. Они требуют соответствующей среды. Они применимы не только в тех случаях, когда к ним обычно обращаются. По-видимому, суть дела заключается в том, что, даже когда мы думаем иначе, мы не свободны от необходимости делать выбор, вводить дополнительные предпосылки, причем обычно мы не осознаем важности этого. Знание — это процесс. Это процесс выбора (совсем не обязательно «рационального»). Даже если мы все согласимся с тем, что существует лишь единственная верная парадигма, модель, единственное объяснение, наши представления о том, какая именно модель является верной, все равно будут различными, и мы окажемся перед необходимостью выбора. То, что наблюдение «нагружено» теорией, что есть «проблема герменевтического круга» и «предтеоретическое видение», а также, *inter alia*, что знание, существующее в рамках различных парадигм, несопоставимо, — все это делает абсолютно необходимым выбор между парадигмами. Возможно, образование, психологические или какие-то иные обстоятельства побудят нас скептически отнестись к подобным утверждениям, а также к утверждению о существенной (но не полной) нерелевантности концепций, базирующихся на естественных науках. Однако в общественных науках мы обнаружили чрезвычайно много практик, которые не могут быть содержательно охарактеризованы или поняты без использования лингвистического аппарата и соответствующих концепций, приведенных выше. С одной стороны, социально-экономическая реальность так сложна и многогранна, что она может быть представлена по-разному; разные индивиды рассматривают ее с разных точек зре-

ния и, таким образом, определяют и интерпретируют неодинаково. С другой стороны, ученые, работающие в области общественных наук, одновременно являются социальными акторами в процессе (ре)конструирования реальности — акторами, которые часто верят в то, что они могут внести свой вклад в общественное развитие.

Я думаю, что должна существовать возможность быть эклектиком и агностиком в отношении эпистемологической и дискурсивной природы экономической науки. Нам нужно стремиться допускать двусмысленность и незавершенность — хотя бы потому, что, каковы бы ни были наши предпочтения, реальный процесс производства знания «в действительности» представляется процессом социального конструирования с присущими ему характеристиками неоднозначности и незавершенности.

Я с пониманием отнесусь к тому, что кто-то может расценить взгляды, представленные в этом очерке, как проявление бесхребетности, релятивизма, нигилизма, недисциплинированности, нездоровья и цинизма, присущих нашему веку. Но, как мне кажется, эпистемологический и дискурсивный плюрализм — это то, что вызвано к жизни проблемой достоверного знания, а не самообманом, пусть и искусным. Такой плюрализм вовсе не означает, что «все годится». Он указывает на то, что каждый индивид имеет свои собственные суждения. Альтернатива такому подходу — признание того, что «годится лишь что-то одно», а также близорукость, претенциозность и ложная уверенность.

Плюрализм означает допущение существования эпистемологических критериев и дискурсивных толкований, отличных от тех, которые мы сами предпочитаем, а также сознательное сопротивление приданию нашим предпочтениям статуса привилегированных. И это — задача, которая стоит перед людьми, а не перед реальностью или языком. Именно люди делают выбор, и факт этого выбора не должен быть заслонен ни результатом этого выбора, ни мнимой абсолютностью, создающей психическое ощущение *надежного* знания. Экономика утверждает, что все имеет свою цену: цена претензий на абсолют — реконструкция социальной реальности на основе заведомо ложных представлений.

Ощущение нигилизма, ниспровержения основ и анархии возникает отчасти в связи с потребностью в абсолюте, обеспечиваю-

щем психологический комфорт, отчасти в связи с необходимостью легитимации статус-кво и отчасти в связи с тем, что трудно, признавая относительность и обусловленность наших убеждений, продолжать смотреть на них серьезно. Правда, однако, и то, что все мы делаем выбор, а затем пытаемся не вспоминать этот факт. По наблюдению Кнорр-Цетины, общее правило состоит в том, что «научные статьи пишутся не для того, чтобы способствовать пониманию альтернатив, а для того, чтобы создать впечатление, что то, что *было сделано*, — это все, что *могло быть сделано*»⁹. Интеллектуальные поиски вообще и наука в частности должны стремиться к большему.

Многим кажется разумным полагать, что эта рациональная критика имеет смысл, только если признается, что истина существует. Но даже если мы все согласимся, что это так (при этом мы можем расходиться в представлениях о том, в каком смысле и в какой степени истина соответствует «реальности» — об этом мы уже говорили), мы все равно будем по-разному представлять себе собственно содержание этой истины. Таким образом, истина — это то, что индивиды принимают в качестве достоверного знания. Многое можно было бы извлечь из исследования матрицы подобных индивидуальных представлений, — конечно, если ее возможно обнаружить. Эта позиция может расстроить тех, кто воспринимает ее как составляющую скептицизма, нигилизма и (или) релятивизма. Возможно, в свете ограничений как эпистемологии, так и анализа дискурса, а также в свете социальной (ре)конструкции реальности такой инструментализм — это то, к чему в конечном счете на практике сводятся все позиции. Так или иначе, «истина» часто ассоциируется с интересами, продуктом, сознательно произведенным в идеологических целях, властью и (или) материальными выгодами: у нас есть политические, а также эпистемологические и дискурсивные основания для скептицизма и недоверия.

Признание открытости методологического плюрализма и анализа дискурса, чрезмерно нагруженного релятивизмом и нигилизмом, не означает, что утрачивают значение доказательность,

⁹ Knorr-Cetina K.D. The Manufacture of Knowledge. Elmsford, NY: Pergamon Press, 1981. P. 42.

характер и качество аргументов. Напротив, они становятся еще более важными, поскольку мы уже не можем считать (или делать вид), что большая часть того, во что мы верим, на самом деле является отражением мира или непреложным фактом. Отдельные простые факты, безусловно, существуют, как, например, даты и события Гражданской войны, битва при Гастингсе или атака на Перл-Харбор. Однако по большей части такие факты — предмет конвенции или договоренности (как, например, григорианский календарь), и в этом смысле они не обладают собственным бытием. Важные вещи не являются простыми и не сводятся к непоколебимым и однозначным фактам. Многие из сложных фактов являются предметом интерпретации: атака на Перл-Харбор — это одно, а ее геополитическое объяснение или геополитическое объяснение Гражданской войны и, следовательно, ее «значение» — это другое. Часто подобные вещи становятся предметом достижения согласия и взаимопонимания. Действительно, «оболочка цивилизации», неодинаковая в разных обществах и изменчивая во времени, образована именно этим всеобщим согласием, а не упрямыми объективными фактами. Хотим мы это признавать или нет, но на каком-то уровне объяснения или понимания, считающегося адекватным, надежным или принятым, субъективизм — явление повсеместное, независимо от того, в какой степени и каким образом мы обращаемся к убеждениям.

Перевод с английского Е. В. Виноградовой

В.С. Автономов

ПАМЯТИ МАРКА БЛАУГА (1927—2011)

Марк Блауг — наверно, самый известный после Шумпетера историк экономической науки. Он сказал свое веское слово также в экономической методологии и экономике образования. Его учебник-бестселлер «Экономическая теория в ретроспективе», книга «Экономическая методология: как экономисты объясняют», принадлежащие его перу сборники кратких портретов выдающихся экономистов «100 великих экономистов до Кейнса» и «100 великих экономистов после Кейнса» хорошо известны российскому читателю, но этот перечень далеко не исчерпывает его наследие. За свою долгую жизнь Марк Блауг побывал гражданином трех стран: Нидерландов, США и Великобритании, — и членом Британской и Королевской Нидерландской академий наук. Родился в Гааге, в семье еврейского промышленника, изготовлявшего плащи, детство провел в Амстердаме. Семье удалось покинуть оккупированную нацистами Голландию и выехать сначала в Лондон, а затем в Нью-Йорк, где Марк окончил колледж, а затем Городской университет Нью-Йорка. В аспирантуру, т.е. на Ph.D.-программу, Блауг поступил в более престижный нью-йоркский университет — Колумбийский, где его руководителем стал знаменитый Джордж Стиглер, будущий нобелевский лауреат, прославившийся не только как теоретик, но и как глубокий историк экономической науки. В Колумбийском университете преподавали в то время знаменитый исследователь экономических циклов Артур Бернс, будущий нобелевский лауреат Уильям Викри, видный институционалист Джон М. Кларк, автор «Великой трансформации» Карл Полян. Марк Блауг был человеком страстных интеллектуальных увлечений, но умел их переосмысливать и отвергать, когда обнаруживал, что они не ведут к истине. С юности ему были присущи вера в познаваемость мира и увлечение амбициозными теоретическими системами, претендовавшими на его объяснение. Первыми такими системами на его пути были марксизм и фрейдизм, которые, казалось, содержали ответы на все вопросы каждого

человека в отдельности и человечества в целом. Увлечение марксизмом дошло до того, что студент Блауг вступил в Коммунистическую партию США, где, впрочем, продержался недолго и откуда в 1945 г. был исключен за расхождение с генеральной линией. Он проявил солидарность с руководителем партии Браудером, смещенным со своего поста по настоянию Москвы за то, что тот продолжал в некоторых вопросах поддерживать президента Рузвельта, когда бывшие союзники по антигитлеровской коалиции уже стали расходиться по разные стороны баррикад холодной войны. Однако разрыв с партией не привел к немедленному отказу от теоретического марксизма. Понадобилось еще семь лет наблюдений за мировыми событиями, внутренней работы и чтения бывших марксистов, отпавших от «всесильного учения» (среди них назовем Артура Кестлера), чтобы Блауг перестал считать себя марксистом. Последним «аргументом» стал ввод советских танков в Восточный Берлин в 1952 г., свидетелем которого он случайно оказался.

Марку Блаугу, как и многим американским ученым левых взглядов, пришлось пострадать от маккартизма. Причем роль здесь сыграло даже не бывшее членство в компартии, а то, что молодой преподаватель Блауг подписал петицию студентов Городского университета, где он вел занятия, зарабатывая средства на оплату колумбийской Ph.D.-программы. Студенты протестовали против увольнения по антикоммунистическим мотивам одной из коллег Блауга, а петицию у них, по правилам университета, могли принять, только если ее подпишет один из преподавателей. Единственным согласившимся это сделать и оказался Марк Блауг, второй раз пострадавший за сочувствие гонимым и попавший в критическое положение — его научная карьера оказалась под угрозой. Выручил кто-то из тайных доброжелателей, раздобыв грант на изучение экономической теории Рикардо и его школы в Лондоне. Давид Рикардо — основоположник «строгой теории» в экономической науке и непосредственный предшественник Маркса-экономиста, но без политических крайностей последнего — оказался мыслителем, настолько близким Блаугу по духу, что он не только успешно защитил в 1954 г. диссертацию о взлете и падении школы Рикардо, но и назвал Давидом Рикардо своего старшего сына (младший, очевидно по причине любви родителей к музыке Вагнера, получил имя Тристан). 27-летний доктор философии был сразу же принят преподавателем истории экономической мысли (assistant professor)

в славный Йельский университет. «Детская болезнь левизны» в жизни Марка Блауга постепенно проходила. Тем, кто встречал Марка Блауга в последние десятилетия его жизни — а к ним относится и автор этих строк, — трудно было догадаться о бунтарском прошлом этого элегантного, слегка надменного джентльмена, напоминавшего английского лорда (по крайней мере, в нашем понимании того, как должен выглядеть английский лорд). Но позиция Блауга в право-левом континууме политических воззрений не сменилась на противоположную. По его собственному признанию, он со временем стал придерживаться правых взглядов в области экономической политики, но сохранил левые убеждения в вопросах политики социальной. Особенно четко это проявилось в период правления М. Тэтчер, социальная политика которой вызвала его яростное неприятие.

Но это будет потом, а пока молодой лектор читает взыскательным йельским студентам курс истории экономической мысли. Итогом этой работы станет его самая известная книга, которая выйдет в свет в 1962 г., выдержит пять изданий и будет переведена на все основные языки, — «Economic Theory in Retrospect». По непонятной прихоти издательского редактора ее русский перевод получил название «Экономическая мысль в ретроспективе», что неверно: не мысль, а именно теория. Блауг продолжил здесь традицию Йозефа Шумпетера, создавшего первую историю экономического анализа, т.е. специальных методов и инструментов исследования, применяемых экономистами, в отличие от истории экономической мысли, т.е. мнений и взглядов по экономическим вопросам, принадлежащих как профессионалам, так и дилетантам. Но если Шумпетер снабдил свою историю анализа описанием широкого исторического, философского и прочего контекста, то Блауг осуществил его программу создания чистой истории экономического анализа на практике. Впрочем, здесь у Блауга был и непосредственный предшественник — научный руководитель его диссертации Джордж Стиглер с работой «Теории производства и распределения».

В заглавии учебника Блауга важно не только слово «теория», но и слово «ретроспектива». Достижения экономистов прошлого рассматриваются и оцениваются с учетом современного состояния экономической теории. Автор исходит из наличия кумулятивного прогресса в экономических исследованиях, его история является, говоря в терминах самого Блауга, «абсолютистской», а не «релятивистской». Надо

сказать, что, несмотря на большой успех книги, Блауг впоследствии пересмотрел свой подход к истории экономической науки. В автобиографической статье для журнала «American Economist» Блауг написал, что абсолютистская интерпретация лишает историю идей всякого смысла и права на существование. Перемена точки зрения Блауга материализовалась, в частности, в выходявшей под его редакцией серии «Schools of Thought in Economics». Таким образом, и в этой области Блауг проявил склонность к переоценке ценностей. Но для того чтобы история экономических учений стала интересной для йельских студентов конца 1950-х гг., требовалось именно то, что было сделано Блаугом в этой книге. Вера в могущество современной экономической науки никогда не была так велика, как в те годы, когда казалось, что «великий неоклассический синтез» в теории и кейнсианская политика экономического регулирования на практике в значительной мере достигли великих целей познания и исправления мира. С точки зрения этого достигнутого величия история экономической науки, естественно, воспринималась как последовательность шагов в правильном направлении, которые были учтены в современной теории, и ошибок, которые вряд ли заслуживали внимания.

Так или иначе, в 1962 г. подошел срок, когда должен был решаться вопрос о том, будет ли Марку Блаугу предоставлен постоянный контракт (tenure) в Йельском университете. Очевидно, что он мог надеяться на успех, поскольку добился в своей области выдающихся результатов. Однако в Париж, где Марк исследовал историю французской текстильной промышленности XIX в., из Йеля пришло известие о том, что в университете не нуждаются в постоянной ставке профессора по истории экономических учений. Видимо, шок от этой новости был настолько сильным, что 35-летний исследователь решил сменить не только область своих изысканий, но и страну проживания. Блауг, по его собственному признанию всегда чувствовавший себя европейцем, решил поселиться в Лондоне. Свободное же место в Лондоне нашлось только в сфере экономики образования: в Институте образования требовалось читать лекции для повышающих квалификацию учителей и администраторов. Впрочем, лекционная нагрузка была невелика, так что основное время можно было посвящать исследованиям, за которые Блаугу пришлось браться с нуля. Преподавал Блауг и в Лондонской школе экономики. Вначале его неприятно удивила теоретическая незрелость новой для него области исследо-

ется основанием считать, что все зависит от всего одновременно и мгновенно, без того, чтобы прошло какое-то реальное время. Это не повод считать, что цены или количества никогда не бывают неподвижными, что, раз информация обычно бывает симметричной для обеих сторон рынка, то отсутствующих рынков быть не может, что принятие цен в состоянии неравновесия так же универсально, как и в состоянии равновесия. Коротко говоря, метафора, сводящая определение цен к математическому решению систем уравнений, может ввести в заблуждение. Я бы даже сказал, что одномоментность определения цены, которая глубоко укоренилась в теории общего равновесия, с течением времени зарекомендовала себя как исключительно обманчивая метафора. Лучший способ *не* узнать, как работают рынки и как в реальности работает конкурентная экономика, — это изучение теории общего равновесия.

Перевод с английского Н.В. Автономовой

явление стало таким, каким оно стало» (*Dosi G., Winter S.G. Interpreting Economic Change: Evolution, Structure and Games // The Economics of Choice, Change and Organizations. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2002. P. 146*). Отличительная черта всех объяснений экономических явлений на основе общего равновесия — это нечто прямо противоположное: что-либо существует, потому что существует, и не важно, как оно появилось.

Научное издание

**Истоки:
качественные сдвиги в экономической реальности
и экономической науке**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *Е.А. Рязанцева*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка: *Л.В. Маликина*
Корректор *Ю.В. Гуськова*

Подписано в печать 07.08.2015. Формат 60×88/16
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,5
Уч.-изд. л. 26,5. Тираж 600 экз. Изд. № 1732

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 661-15-52

Отпечатано в ГУП ЧР «ИПК «Чувашия»
Мининформполитики Чувашии
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Тел.: (8352) 56-00-23

ISBN 978-5-7598-1130-5

9 785759 811305